

непрописаності окремих елементів структури. Вчинки героїв не відповідають звичним уявленням про роль і участь персонажів у сюжетній дії; у них практично відсутня зовнішність; моменти біографії представлені вкрай скудно, майже винятково у формі асоціативних ретроспекцій; зв'язок з інтер'єром і пейзажем скоріше не психологічний, але онтологічний (такий, що виявляє не індивідуально-особистісні якості людини, але його позицію у світі, акцентовано “зав'язану” на кардинальні проблеми буття); індивідуалізацію мовлення зведено до мінімуму; розкриття внутрішнього світу знаменується відмовою від характерних для розвинутої реалістичної прози засобів психологічного аналізу й орієнтацією на так звані хронотопічні засоби психологізації, тобто показ психологічного стану й переживань героїв через сприйняття простору і часу. Все це створює характерний для Кафки феномен психологічної індетермінованості й релятивності особистості, що прямо пов'язано з постановкою “нез'ясовних” проблем людського буття, таких, що вислизують від остаточних рішень: зміст і мета життя, онтологічна приреченість людини, “вічна” неузгодженість “Я” і світу, почуття і думки, уявлень про життя і самого життя. В остаточному підсумку можна говорити про те, що в структурі образу персонажа знаходять вираження найважливіші світоглядні установки творця “Замка” і “Процесу” і проявляється універсальний принцип тяжіння до просторової художньої структури, спрямований на актуалізацію читацької рецепції.

Список використаних джерел

1. Беньямин В. Франц Кафка / Вальтер Беньямин. – М. : Ad Marginem, 2000. – 317 с.
2. Кафка Ф. Америка. Процесс. Из дневников / Франц Кафка. – М. : Политиздат, 1991. – 606 с.
3. Кафка Ф. Замок. Новеллы и притчи / Франц Кафка. – М. : Политиздат, 1991. – 576 с.
4. Emmrich W. F.Kafka. A Critical Study of his Writings / W. Emmrich. – New York, 1968. – 424 p.
5. Kafka, Franz. Das erzählerische Werk. II. Der Verschollene (Amerika). Der Prozeß. Das Schloß / Franz Kafka. – Berlin: Rütten & Loening, 1988. – 896 s.
6. Kayser W. The Grotesque in Art and Literature / W. Kayser. – New York-Toronto, 1966. – 376 p.
7. Politzer H. Franz Kafka : Der Künstler / H. Politzer. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1978. – 433 p.

Summary. The article studies the peculiarities of the structure of the literary character in F. Kafka's novels. Kafka's characterization is different from realistic principles and reflects author's intention to psychological uncertainty and universal models of human being.

Key words: modernistic novel, character, universalization, psychological uncertainty.

УДК 821.161.1 – 1 «17-18»

А.В. Кистанова

РАЗМЫВАНИЕ ЖАНРОВОГО КАНОНА ОДЫ В РАННЕЙ ПОЭЗИИ МИХАИЛА МУРАВЬЕВА

Статтю присвячено аналізу ранніх од М. Муравйова в аспекті рецепції поетом жанрового канону урочистої і батальної оди. Особливості втілення жанрових норм досліджено на різних рівнях поетичного тексту, підкреслено їх традиційні та новаторські риси. Акцентовано специфіку композиції та хронотопу, образної системи, метрики та строфіки.

Ключові слова: жанр, канон, ода, традиція, новаторство.

Сложный и неоднозначный характер литературных и культурных процессов в России XVIII-го века давно уже стал «общим местом» литературоведческих исследований этого периода. Интенсивные темпы исторического развития обусловили быструю смену, часто сосуществование различных культурных парадигм и литературных систем. Конец века – время, когда ситуация «полифонического единства» стилевых течений русской литературы достигает апогея. Переходный период знаменуется также сменой типа художественного сознания, концом риторической эпохи и становлением нового, индивидуально-авторского творчества, где на первый план выступает субъективное, личностное, а требования канона постепенно утрачивают свою силу. Яркой иллюстрацией такого перехода представляется неоднократно отмеченное исследователями

размывание / смещение / ломка жанровых границ, характерное для русской литературы конца XVIII века. В поэтическом творчестве М. Муравьева и В. Капниста, Г. Державина и Н. Карамзина канонические жанры трансформируются содержательно и формально, отражая изменения миро-воззренческих позиций и художественного сознания.

В поэзии М. Муравьева указанные процессы проявились наиболее ярко и репрезентативно. Исследование его творческого наследия, представленное в работах Л. Кулаковой, В. Топорова, А. Пашкурова, С. Сионовой, затрагивает вопросы этико-эстетической позиции писателя, специфики его художественной системы, неординарности поэтического мирообраза. К своеобразию жанровой парадигмы поэзии М. Муравьева обращались Л. Кулакова, В. Топоров, А. Пашкуров, но, как представляется, эта тема нуждается в дополнительном изучении.

Цель нашей статьи – на материале ранних од поэта проследить особенности рецепции М. Муравьевым этого наиболее канонического из жанров нормативной поэтики классицизма, в русле которой поэт начинает свою творческую деятельность.

Русская ода как ведущий жанр поэтического пространства XVIII века неоднократно становилась предметом внимания исследователей (Г. Гуковский, Л. Пумпянский, Ю. Тынянов, Г. Москвичева, И. Серман, Е. Погосян, Н. Алексеева). Изучение жанра осложняется бытованием в русской традиции различных жанровых вариантов, причем к единому мнению относительно их номинации и конститутивных признаков литературоведы не пришли и до настоящего времени. Так, О. Лебедева и Д. Магомедова, вслед за Г. Гуковским и Л. Пумпянским, говорят о существовании «в русском изводе» трех разновидностей оды: торжественная / похвальная / пиндарическая, духовная / парафрастическая (переложение псалмов) и анакреонтическая. И. Серман и М. Гаспаров включают в сферу духовных и философские оды.

Авторы современного учебника по истории русской литературы XVIII века А. Пашкуров и А. Разживин выделяют «три основных типа классической оды: торжественная – военная – философская» [5, 367]. Военная, или батальная ода становится, таким образом, отдельным типом, причем ее выделение основано исключительно тематически. По замечанию Т. Абрамзон, «форму (точнее, формулу) батальной оды» создал М. Ломоносов: ею стала «Ода на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» [1, 95]. В поэтическом процессе XVIII века оды такого типа широко представлены, и, по общепринятой традиции, включаются в жанровую разновидность од торжественных, пиндарических, воспевающих победы российского оружия, равно как и торжества, им посвященные.

В поэтическом творчестве М. Муравьева ода представлена не слишком масштабно, но разнообразие жанровых вариантов и неоднозначность жанровой номинации обуславливает необходимость подробного их рассмотрения. Всего поэтом написано 20 од, где жанровая номинация изначально заявлена в названии. Большинство ранних од М. Муравьева представляют собой пиндарические оды, тематика которых обусловлена историко-политической ситуацией – Екатерина II активно ведет военные действия, в разгаре первая русско-турецкая война. И, по свидетельству В. Топорова, обращение в начале 1770-х годов к жанру оды «значило почти неизбежно касаться военной темы, внешней брани» [7, 40]. Так, А. Пашкуров выделяет среди ранних, военных од М. Муравьева две, «достаточно ярко выраженные группы»: традиционные военные оды, к которым он относит только «Оду на случай Кагульския битвы» и «Оду на победы... в продолжении первой турецкой войны», и «синтетические» военные оды пограничного характера, связанные с новой в творчестве поэта «лирической философией» жизни» [5, 367]. Думается, что к батальным, исходя из тематики, можно отнести еще и «Оду на примерное взятие городка на Выборгской стороне 1773 году» (1773), хотя формальные особенности произведения уже не укладываются в строгий канон одического жанра.

Торжественную оду, по мысли А. Пашкурова, «муза Муравьева обошла стороной» [5, 367]. Позволим себе не согласиться с исследователем: на наш взгляд, черты военной и торжественной оды сочетает «Ода Ея Императорскому Величеству Государыне Екатерине II, Императрице Всероссийской, на замирение России с Портою Оттоманскою» (1774), а «Ода» («Осьмнадцатый ныне раз...», 1772), посвященная восемнадцатилетию великого князя Павла Петровича, обладает, как представляется, только чертами торжественного варианта жанра. Согласимся с В. Топоровым, что все перечисленные оды «продолжают старую одическую традицию» [7, 58], в них реализуются конститутивные признаки жанра: функциональность, эмоциональная наполненность, основные композиционные и пространственно-временные характеристики, топика, метрическая и строфическая формы. Но уже в этих одах появляются некоторые моменты, привлекающие внимание своей новизной.

Функциональная направленность од М. Муравьева, заявленная в названиях приуроченность к определенным событиям, делает их частью официальной культуры и литературы. Исключением является «Ода» («Осьмнадцатый ныне раз...», 1772), написанная ко дню рождения великого князя Павла Петровича, но опубликованная только в 1967 году. По мнению Л. Кулаковой, ода

осталась неизданной при жизни автора, так как писалась в тот период, когда недовольные Екатериной II круги ожидали воцарения Павла, и «более категорично славил предстоящие перемены, чем произведения других писателей, которые на всякий случай уравнивали похвалы цесаревичу прославлением императрицы» [3, 22]. Возможно, именно поэтому осторожный и предусмотрительный М. Муравьев отказывается от дальнейшей работы над одой, вследствие чего она не получает традиционного официального названия. Может быть, эксперименты со строфикой – шестистишием, осознание его несвойственности торжественной оде и стали причиной незавершенности произведения.

Композиция и хронологическая структура ранних од М. Муравьева находится в рамках жанрового канона: оды традиционно состоят из трех частей, сочетая, по свидетельству Д. Магомедовой, структуры древнего эпиникия и гимна [6, 97]. Первая часть – обращение к музам, вхождение в состояние одического восторга, обретение способности воспевать. Основная часть оды повествует о самом событии, изображаемом в соответствие с историческими данными, причем достаточно детально и подробно. Порой поэт обращается к характерной для пиндарической оды гиперболизации, но, согласимся с В. Топоровым, стремится избегать излишних преувеличений [7, 41] и лишь выполняет необходимые требования одического канона. Финальная часть оды – традиционные славословия героев и монархии.

Одическое пространство и время в торжественных одах М. Муравьева расширяется за счет введения «отсылок к героическому эпическому прошлому или к мифологической героике» [6, 97]. Так, в «Оде на случай Кагульских битвы» (1770, <1775>) это происходит посредством обращения к событиям греко-персидских войн и образу Ксеркса, в оде «На победы...» военные достижения россиян соотносятся с победами греков и римлян, а перечисление самых значительных успехов русской армии под предводительством А. Голицина, П. Румянцева, П. Панина, Н. Репнина, А. Орлова напоминает характерную для военной и пиндарической оды панораму исторических личностей, с которыми обычно сопоставляется адресат оды и в ряд которых его включает автор.

Эмоциональная составляющая од вполне традиционна – ликование и восторг, испытываемый поэтом. Особенно ярко это проявляется в оде «На замирение...» (1774). Торжественная («военная», по мнению А. Пашкурова) ода, написанная в традициях жанра, сочетает элементы канона с новыми сентиментальными тенденциями. А. Пашкуров отмечает, что «трансформация оды в творчестве Муравьева идет через лирическое чувство» [5, 367]. Так, первые строфы исполнены одического восторга: «пылкий жар», восхищение и ликование, которые испытывают поэт и Россия. Одическое «я» первой строфы вступает далее в диалог с Екатериной, призывая возликовать и разделить чувства своих подданных, и трансформируется в одическое «мы». Поэт ощущает себя частью населения России, выражая коллективную эмоцию, обращаясь к государыне с просьбой вообразить «те ощущенья, / Которых росска грудь полна» [4, 109]. Показательно, что двукратное анафорическое «вообрази» маркировано уже сентиментально-преромантически, это не одическое «зри» или «внимай». Подобную семантическую нагрузку несет и слово «ощущенье» в значении «чувствование», не характерное для одического словаря классицистов (в одах М. Ломоносова, А. Сумарокова присутствует только глагол «ощущать» в значении «испытывать»).

Сама тема произведения актуализирует одический топос тишины, мира, покоя, который является лейтмотивом первых двух строф. В третьей строфе он сочетается с темой войны, начало которой М. Муравьев объясняет нарушением мира со стороны турецкого султана, разрушением идиллического модуса, свойственного характерному для оды топосу Золотого века, и апеллирует прежде всего к чувствительности читателей: «Они невинных похищали, / И меч и пламень обращали / На безоружных поселян» [4, 110]. И, таким образом, Екатерина вступает в войну, чтобы восстановить желанную тишину, вернуть блаженные времена.

Последние три строфы стихотворения вновь исполнены ликования, одические «града и села» сочетаются с мотивом воссоединения разрушенных войной семей: мать и сын, братья, возлюбленные, друзья, супруги проливают «слезы радости», наступает «милая отрада», что, наряду с маркированной лексикой, свидетельствует о сентиментально-преромантическом мировосприятии, утверждающем приоритет семейных и дружеских уз. Показательным является и свидетельствующий о восстановлении идиллического модуса образ «ратая», который «не страшится боле, / Чтобы его пожала поле / Иноплеменничья рука» [4, 113]. Таким образом, в пространство оды вторгается идиллия, существующая пока на уровне топики (мифологема Золотого века).

Одическое новаторство М. Муравьева проявляется пока на уровне отдельных образов и лексик, присущих новому сентиментально-преромантическому видению мира. Но еще одна его ранняя ода свидетельствует, что экспериментировал поэт не только с отдельными элементами содержания, но и с формой. Это «Ода на примерное взятие городка на Выборгской стороне 1773 году». Ее можно отнести к батальной, исходя из ее содержания – описания военного сражения. Торжественной она не является, на наш взгляд, в силу отсутствия приуроченности к значительному государственному событию: в названии заявлено, что ода посвящена учениям, военным маневрам,

то есть довольно ординарному эпизоду общественной жизни столицы, и по своей функциональности это, скорее, стихотворение «на случай». С одной стороны – предельно реальное изображение военных действий, а с другой – подчеркнуто «ненастоящий» характер событий. Первая строфа традиционно вводит в состояние одического восторга, автор видит происходящее как бы во сне: «Где я! Кто меня похитил? / Сном божественным насытил / Я свои днесь очеса» [4, 93]. Действие начинается как лицемерие высшей, божественной воли: Грозны тучи заревели, / И внезапно загремели / И отверзлись небеса» [4, 93], продолжаясь разгаром военного сражения, и строится далее как традиционная батальная ода. Переключение эмоционального регистра происходит лишь в последней строфе, которая начинается двукратным повтором союза «так», обладающего, как представляется, семантическим ореолом народной поэзии, сказовой формы: «Так, тако, в Петрополе...» [4, 94]. Формальные признаки стихотворения также противостоят одическому канону – это шестистишие и четырехстопный хорей, характерные, по мнению М. Гаспарова, для песенной поэзии XVIII века [2, 68–69, 98–99]. Таким образом, в стихотворении, номинированном автором как ода, появляются иные жанровые признаки.

Ранние оды М. Муравьева, находящиеся, на наш взгляд, в рамках торжественного и военного жанровых вариантов, остаются, в целом, в границах одического канона, как тематически, структурно, так и формально: они (за двумя исключениями) написаны десятистишной одической строфой, а их размером является четырехстопный ямб, по свидетельству М. Гаспарова, безраздельно господствовавший в торжественной оде [2, 60–61]. Уменьшается только степень внешней эмоциональности, достигаемая за счет использования восклицаний. Показательно, что в самой ранней оде «На случай Кагульская битвы» на девять строф стихотворения приходится семь восклицаний; в оде «На победы русского оружия...» – три восклицания на двенадцать строф. В оде «На замирение...» – пять восклицаний на семнадцать строф. Творя в русле торжественной оды, высший образец которой дал М. Ломоносов, больше всех ценя его как одописца, М. Муравьев постепенно отходит от предложенных им правил создания оды. Так, В. Топоров усматривает заслугу поэта в «“расшатывании” созданного в России Ломоносовым одического канона» [7, 58], отмечая, что эксперименты М. Муравьева с формой и содержанием од открыли возможности для становления «новых разновидностей русской лирики» [7, 76].

Таким образом, уже в ранних, батальных и торжественных одах М. Муравьева, позиционируемых автором как произведения, написанные в рамках одического жанра, присутствуют новые черты, которые реализуются на различных уровнях поэтического текста. Наряду с традиционной для оды функциональностью, композицией, субъектной структурой, хронотопом и топикой, в произведения вводятся элементы идиллического модуса, песенной формы, новая, сентиментально-преромантическая образность и лексика, ведутся эксперименты с метрикой и строфикой, что ведет к ломке одического канона и возникновению новых векторов развития жанровой системы русской поэзии.

Список использованных источников

1. Абрамзон Т.Е. «Ломоносовский текст» русской культуры: Избранные страницы / Татьяна Абрамзон. – М.: ОГИ, 2011. – 240 с.
2. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М.Л. Гаспаров / Издание второе (дополненное). – М.: Фортуна Лимитед, 2000. – 352 с.
3. Кулакова Л.И. Поэзия М.Н. Муравьева / Л.И. Кулакова // Муравьев М.Н. Стихотворения. / Вступ. статья, примеч., подготовка текста Л.И. Кулаковой. – Л.: Советский писатель, 1967. – С. 5-49
4. Муравьев М.Н. Стихотворения / М.Н. Муравьев / Вступ. статья, примеч., подгот. текста Л.И. Кулаковой. – Л.: Советский писатель, 1967. – 388 с.
5. Пашкуров А.Н., Разживин А.И. История русской литературы XVIII века : учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. / А.Н. Пашкуров, А.И. Разживин. – Елабуга: ЕГПУ, 2011. – Ч.2. – 448 с.
6. Теория литературных жанров : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / М.Н. Дарвин, Д.М. Магомедова, Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа; под ред. Н.Д. Тамарченко. – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 256 с. – (Сер. Бакалавриат).
7. Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. II. / В.Н. Топоров. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 928 с.

Summary. The article is devoted to analysis of M. Muravyov's early odes in the aspect of the poet's reception of genre canon of solemn and battle ode. Peculiarities of realization of genre standards are investigated on various levels of poetical text; their traditional and innovative features are underlined. Specificity of composition and chronotope, image system, metrics and stanzaic prosody is stressed.

Key words: genre, canon, ode, tradition, innovation.